

дозволено идти, чтобы сдать его на руки поэта Стация, которого в средние века считали христианином; тот поведёт его к Беатриче. Так к блужданию в тёмном лесу пристраивается хождение по трём загробным царствам. Связь между тем и другим мотивом несколько внешняя, воспитательная: странствования по обителям Ада, Чистилища и Рая – не выход из юдоли земных заблуждений, а назидание примерами тех, которые нашли этот выход, либо не нашли его, или остановились на полпути. В иносказательном смысле сюжет «Божественной Комедии» – человек, поступая праведно или неправедно в силу своей свободной воли, он подлежит награждающему или карающему Правосудию; цель поэмы – «вывести людей из их бедственного состояния к состоянию блаженства». Так говорится в послании к Кан Гранде делла Скала, властителю Вероны, которому Данте будто бы посвятил последнюю часть своей комедии, толкуя её дословный и сокровенный аллегорический смысл. Послание это заподозрено как дантовское; но уже древнейшие комментаторы комедии, в числе их и сын Данте, пользовались им, хотя и не называя автора; так или иначе, но воззрения послания сложились в непосредственном соседстве с Данте, в кружке близких к нему людей.

Загробные видения и хождения – один из любимых сюжетов старого апокрифа и средневековой легенды. Они таинственно настраивали фантазию, пугали и манили грубым реализмом мучений и однообразной роскошью райских яств и сияющих хороводов. Эта литература знакома Данте, но он читал Вергилия, вдумался в аристотелевское распределение страстей, в церковную лестницу грехов и добродетелей – и его грешники, чающие и блаженные, расположились в стройной, логически продуманной системе; его психологическое чутьё подсказало ему соответствие преступления и праведного наказания, поэтический такт – реальные образы, далеко оставившие за собой обветшалые образы легендарных видений.

Весь загробный мир очутился законченным зданием, архитектура которого рассчитана во всех подробностях, определения пространства и времени отличаются математической и астрономической точностью; имя Христа рифмуется только с самим собой и не упоминается вовсе, равно как и имя Марии, в обители грешников. Во всём сознательная, таинственная символика, как и в «Обновлённой жизни»; число три и его производное, девять, царит невозбранно: трехстрочная строфа (терцина), три кантики Комедии; за вычетом первой, вводной песни на Ад, Чистилище и Рай приходится по 33 песни, и каждая из кантик кончается тем же словом: звезды (*stelle*); три символических жены, три цвета, в которые облечена Беатриче, три символических зверя, три пасти Люцифера и столько же грешников, им пожираемых; тройственное распределение Ада с девятью кругами и т. д.; девять уступов Чистилища и девять небесных сфер. Все это может показаться мелочным, если не вдуматься в мирозерцание времени, в ярко-сознательную, до педантизма, черту дантовского мирозерцания; все это может остановить лишь внимательного читателя при связном чтении поэмы, и все это соединяется с другой, на этот раз поэтической последовательностью, которая заставляет нас любоваться скульптурной определённой Ада, живописными, сознательно бледными тонами Чистилища и геометрическими очертаниями Рая, переходящими в гармонию небес.

Так преобразовалась схема загробных хождений в руках Данте, может быть, единственного из средневековых поэтов, овладевшего готовым сюжетом не с внешней литературной целью, а для выражения своего личного содержания. Он сам заблудился на половине жизненного пути; перед ним, живым человеком, не перед духовидцем старой легенды, не перед писателем назидательного рассказа или пародистом фавль, развернулись области Ада, Чистилища и Рая, которые он населил не одними лишь традиционными образами легенды, но и лицами живой современности и недавнего времени. Над ними он творит суд, какой творил над собою с высоты своих личных и общественных критериев: отношений знания и веры, империи и папства; он казнит их представителей, если они неверны его идеалу. Недовольный современностью, он ищет ей обновления в нравственных и общественных нормах прошлого; в этом смысле он *laudator temporis acti* в условиях и отношениях жизни, которым Боккаччио подводит итог в своём Декамероне: какие-нибудь тридцать лет отделяют его от последних песен Божественной Комедии. Но Данте нужны принципы; погляди на них и ступай мимо! – говорит ему Вергилий, когда они проходят около людей, которые не оставили по себе памяти на земле, на которых не взглянет Божественное Правосудие и Милость, потому что они были малодушны, не принципиальны (Ад, III, 51). Как ни высоко настроено мирозерцание Данте, название «певца правосудия», которое он даёт себе (*De Vulg. El.* II, 2), было самообольщением: он хотел быть неумытным судьёй, но